

Валерий Брюсов

**«Поэзия Армении» и ее
единство на протяжении века**

Валерий Яковлевич Брюсов «Поэзия Армении» и ее единство на протяжении веков

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11663288

Аннотация

«Две силы, два противоположных начала, скрещиваясь, переплетаясь и сливаясь в нечто новое, единое, направляли жизнь Армении и создавали характер ее народа на протяжении тысячелетий: начало Запада и начало Востока, дух Европы и дух Азии. Поставленная на рубеже двух миров, постоянно являвшаяся ареной для столкновения народов, вовлекаемая ходом событий в величайшие исторические перевороты, Армения, самой судьбой, была предназначена – служить примирительницей двух различных культур: той, на основе которой вырос весь христианский Запад, и той, которая в наши дни представлена мусульманским Востоком. „Армения – авангард Европы в Азии“, эта, давно предложенная, формула правильно определяет положение армянского народа в нашем мире. Историческая миссия армянского народа, подсказанная всем ходом его развития, – искать и обрести синтез Востока и Запада. И это стремление всего полнее выразилось в художественном творчестве Армении, в ее литературе, в ее поэзии...»

Содержание

1	4
2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Валерий Брюсов

«Поэзия Армении» и ее единство на протяжении веков

Историко-литературный очерк

1

Две силы, два противоположных начала, скрещиваясь, переплетаясь и сливаясь в нечто новое, единое, направляли жизнь Армении и создавали характер ее народа на протяжении тысячелетий: начало Запада и начало Востока, дух Европы и дух Азии. Поставленная на рубеже двух миров, постоянно являвшаяся ареной для столкновения народов, вовлекаемая ходом событий в величайшие исторические перевороты, Армения, самой судьбой, была предназначена – служить примирительницей двух различных культур: той, на основе которой вырос весь христианский Запад, и той, которая в наши дни представлена мусульманским Востоком. «Армения – авангард Европы в Азии», эта, давно предложенная, формула правильно определяет положение армянского народа в нашем мире. Историческая миссия армянского народа, подсказанная всем ходом его развития, – искать и обрести синтез Востока и Запада. И это стремление всего полнее выразилось в художественном творчестве Армении, в ее литературе, в ее поэзии.

Современная наука¹, в теории, выставленной и блистательно развиваемой акад. И. Я. Марром, видит в самом составе армянского народа два разнородных элемента, западный и восточный. Происхождение армянского народа эта теория связывает с так называемым Киммерийским движением VIII–VII вв. до Р. Х. В ту эпоху одно из фригийских племен (следовательно – индо-европейского корня), перебросившись, вместе с другими, из Фракии в Малую Азию, продвинулось на верховья рек Галиса и Евфрата и затем подчинило себе население соседних стран, в том числе Урарту и Наири, частью поработив, частью ассимилировав аборигенов (народ не индо-европейского, по Н. Я. Марру, яфетидского корня). Из слияния этих двух элементов: завоевателей фригийцев, индо-европейцев по происхождению, и покоренных урартийцев, яфетидов по происхождению, и возникла армянская народность, сочетавшая в себе, таким образом, чисто восточный элемент (урартийцы) с элементом западным (фригийцы). Это подтверждается филологическим анализом армянского языка, показаниями античных историков, данными археологии, этнографии, географии и, наконец, свидетельством народных армянских преданий. Мы вправе поэтому рассматривать армянский народ, в самом его существовании, как западно-восточный, одновременно – и азиатский и европейский.

Вся история Армении могла только усилить это дву-единство народного духа, так как армянский народ попеременно подвергался разным влияниям, то со стороны своих восточных, то – западных соседей. На заре ее истории Армении суждено было испытать сильное воздействие персидского *иранизма*, так как она входила, как отдельная сатрапия, в состав державы древне-персов (с VI по конец IV в. до Р. Х.). Армянами управляли персидские сатрапы, армяне судились по персидским законам и участвовали в персидской армии;

¹ Здесь я могу дать только несколько намеков на исторические судьбы Армении. Более подробно история армянского народа изложена мною в отдельной брошюре, являющейся как бы дополнением к настоящему очерку и изданной также Московским Армянским Комитетом: Валерий Брюсов, «Очерк исторических судеб армянского народа с древнейших времен до наших дней», Мск., 1916.

в народе получил широкое распространение персидский язык и многие чисто персидские обычаи; наконец, в значительной степени усвоили армяне и национальную религию древнеперсов. Персы – народ арио-европейского корня; их язык принадлежит к семье арийских языков. Но держава древнеперсов была прямой наследницей ассиро-вавилонской (семитической) империи. Персы испытали могучее давление той семитической культуры, которая сложилась за несколько тысячелетий до нашей эры в Передней Азии, преимущественно в бассейнах Тигра и Евфрата, включив в себя и элементы культуры Египта, с которым ассиро-вавилоняне были в постоянных сношениях. Поддаваясь иранизации, армяне восприняли и известную долю культурных начал Ассиро-Вавилонии.

Период персидского господства оставил глубокие следы на всем характере армянского народа, которые можно в следующие века следить в нравах, в верованиях, в государственном строе. Персидский язык, напр., был настолько распространен в Армении, что его знали даже женщины (свидетельство Ксенофонта), и несомненно, что еще в эту раннюю эпоху в армянский язык проникло множество иранских корней. Армянский пантеон почти совпал с иранским, и Страбон писал, что «все святые персов чтутся также и армянами», на что указывают самые имена армянских богов: Арамазда, Анаит, Тир, Михра; были переняты армянами и идеи зороастризма. Двор армянского царя, с его официальным титулом «царь царей», до последних времен был сколком с роскоши персидского царского двора. Вообще влечение к пышности, великолепию, торжественности было в значительной степени усвоено армянами под воздействием их восточных соседей и, одно время, господ.

Противовесом этому влиянию явилось могущественное влияние *эллинизма*, который стал быстро распространяться на Востоке после походов Александра Великого (ум. в 323 г.) и возникновения в Азии новых полугреческих государств. Македонское завоевание как бы распахнуло двери на Запад для всей Передней Азии, которая целые тысячелетия жила обособленной, замкнутой жизнью. В течение ближайших трех столетий (с конца IV до середины I в. до Р. Х.) благотворный дух Эллады, вея над Арменией, во многом видоизменил идеи, миросозерцание и самый характер народа. Умиравшая Греция передала как многим другим странам, так и Армении свои последние вздохи, оплодотворившие всю европейскую культуру. Поддаваясь эллинизации, армяне тем самым становились причастны бессмертному источнику красоты и мысли, из которого и поныне мы почерпаем наши лучшие идеалы.

Результаты эллинизации уже определенно сказались в Армении к эпохе Тиграна Великого (95–56 гг. до Р. Х.) и его преемников. По крайней мере, высшие классы армянского общества находились тогда под несомненным греческим влиянием. Армянская архитектура того времени носила отпечаток эллинского художества; в армянских храмах появились статуи олимпийцев, отождествленных с национальными божествами; образованные армяне понимали по-гречески, читали греческих писателей, интересовались греческим искусством; существовало обыкновение – посылать юношей, чтобы закончить их образование, в Афины и другие научные центры Эллады. Мы знаем, что ко двору армянского царя приглашались эллинские риторы, поэты, ученые, художники; что в столицах Армении, в придворном театре, исполнялись пьесы великих трагиков Эллады; что сын Тиграна Великого, царевич (впоследствии – царь) Артавазд II, сам писал драмы и стихотворения на греческом языке. Глубоко в массу народа это эллинское влияние, по-видимому, не проникало, но все же творческое воздействие его явно выразилось потом во всех проявлениях духовной жизни Армении.

Попутно должно отметить, что в ту эпоху, когда случайности исторических судеб вознесли одно время Армению до высоты настоящей «империи», когда владения армянского «царя царей» простерлись «от Куры до Иордана и от гор Мидийских до Киликийского Тавра», – армянский народ принял в себя новую волну восточной стихии, – *семитической*. Тигран Великий и Артавазд II доходили в своих завоеваниях до пределов Иудеи и нашли

полезным переселить в свою страну значительное количество евреев (армянские историки уверяют, что до 100 000 семейств). Позднее некоторые знатнейшие армянские фамилии выводили свое происхождение именно от этих иудейских выходцев и даже прямо от царя Давида Псалмопевца. Разумеется, эта волна эмигрантов не могла иметь существенного влияния на состав народа, но некоторые следы в его характере оставить могла, как и вообще разные другие народности Малой Азии, в те десятилетия, когда армянские цари-завоеватели совершали свои походы от Каспийского моря к Средиземному и от берегов Понта Эвксинского до глубин Месопотамии, когда вновь смешивались племена, когда строились новые города (как великолепная столица Тиграна – Тигранакерт) и заселялись выходцами с разных концов земли и когда сокровища, в том числе и художественные, накопленные веками, текли из завоеванных стран в пределы своей властительницы – Армении.

После вступления Рима в число азиатских держав и после распространения по всему Востоку римского могущества, постепенно забиравшего под свою тяжелую руку царства и народы, Армения не могла не поддаться новой сильной волне западного влияния, на этот раз *романизации*. Римляне появились в Азии в начале II в. до Р. Х. (189 г. битва при Магнесии), но Армения долго сопротивлялась римскому воздействию: романизации противился эллинизм высших классов общества и иранизм народных масс. Высшие классы видели в римлянах – варваров, поработителей Эллады; народ тянул в сторону соседней, родственной по обычаям и по религии, Парфии, которая во многом была преемницей персидской державы. В течение трех столетий (от середины I в. до Р. Х. и до середины III в. по Р. Х.) борьба между Западом и Востоком в Армении воплощалась в форме борьбы «партии римской» и «партии парфской». Потребовались целые века, чтобы романизация достигла успехов в Армении, и нужны были коренные перевороты в политических отношениях, чтобы Армения уже в III в. по Р. Х. тесно сблизилась с Римом и стала его верной союзницей.

Первоначальные отношения между Арменией и Римом были враждебные. Поступательное движение римлян на Восток грозило утратой самостоятельности всем местным государствам, что вызывало естественные коалиции азийских царств против Рима. Такой коалицией были и союзы Тиграна Великого с Митридатом понтийским (Эвпатором) или Артавазда II с царем парфским Ородом. И, в общем, за все три столетия, до возникновения новоперсидской державы, армяне всегда оставались естественными врагами Рима, хотя не раз, уступая угрозам силы, выступали как союзники римлян. Рим не был в силах поработить Армению; медали, выбитые римлянами с надписями: «*Armenia devicta*»², «*Armenia recerta*»³, «*Armenia capta*»⁴ и т. под., были лишь хвастовством; вассалитет Армении, которого добился Рим, был (по признанию Моммсена) «лишен внутреннего содержания»; попытка Траяна обратить Армению в римскую провинцию не удалась, не продержалась и года и т. д. Но удары, которые Рим наносил Армении: походы Суллы, Лукулла, Помпея, Антония, Корбулона и др. обессилили ее; римляне, действуя шаг за шагом, принудили Армению отказаться от всех своих завоеваний и постепенно замкнули ее в ее естественные границы, низвели с высоты «империи» на степень национального царства, которое позднее уже не могло сопротивляться своим сильным соседям.

При всем том постоянные сношения с Римом, то враждебные, то дружественные, неизбежно вводили в Армению элементы романской культуры. Уже Тигран Великий вступил в ряд «друзей и союзников римского народа» и сыну своему завещал союз с Римом, как залог благополучия царства. Новые войны с римлянами привели в Армению много военнопленных-италийцев; за ними последовали римские купцы. Антоний со всей армией принужден

² «Армения побеждена» (лат.)

³ «Армения захвачена» (лат.)

⁴ «Армения завоевана» (лат.)

был провести несколько месяцев в Армении (37 г. до Р. Х.); Август отправил в Армению особое посольство, во главе с Тиберием Клавдием, будущим принцепсом (20 г. до Р. Х.); позднее с посольствами являлись – Гай Цезарь, усыновленный Августом (1 или 2 г. по Р. Х.), и Германик (18 г. по Р. Х.). На армянский престол стали всходить – возводимые, разумеется, происками Рима – лица, получившие римское воспитание (Тигран V, Тигран VI и др.). Царь Тиридат (58–59 и 62 – 107 гг. по Р. Х.), после долгой (и во многих отношениях победоносной) войны с римлянами, согласился лично поехать в Рим и принять армянскую корону из рук Нерона. С Тиридатом ехало много знатных армян; города по пути устраивали им торжественные встречи; в Неаполе и в Риме в честь царя были даны пиры, праздники, представления в театрах, игры в цирке. Уезжая обратно, Тиридат повез с собой много италийских художников, мастеров, рабочих для восстановления разрушенных во время войны городов и храмов.

Начиная со II в. по Р. Х. культурное влияние Рима начинает явственно сказываться в Армении. Это подтверждают и данные археологии, – известные раскопки в Гарни (древняя Гарнея), где найден храм, относящийся к II–III вв. и совпадающий с формами римской архитектуры того времени. То же влияние отразилось в некоторых деталях других археологических находок. Надобно предположить, что распространялось среди армян также знание латинского языка и римской литературы. По крайней мере несомненно, что армянские юноши для окончания образования стали ездить в Рим, как раньше ездили в Афины. Впрочем, армяне могли знакомиться с латинским языком и на родине, так как в течение всего II в. в разных армянских городах стояли римские гарнизоны. В пределах древней Армении теперь находят немало латинских надписей; в одной греческой надписи царя Тиридата (III в.) месяц доименован латинским названием (февраль) и т. д.

Противовесом римскому влиянию служила в Армении «парфская партия», влияние которой поддерживало в народе вражду к Риму, ко всему, идущему с Запада. Парфия во многом была близка Армении, так как сложилась при сходных условиях; между двумя народами, армянами и парфами, существовали давние связи родства, общности в нравах, почти единства в верованиях. Кроме того, союз с Парфией давал надежду на сохранение политической независимости, тогда как сближение с Римом означало подчинение ему, переход в состояние вассальной зависимости (что римляне подчеркивали, требуя, чтобы армянские цари принимали корону из рук представителя Рима). В середине I в. по Р. Х. парфам удалось возвести на армянский престол свою династию (к ней принадлежал и Тиридат I, ездивший в Рим). Династия вскоре национализовалась, но осталась в родственных отношениях с парфскими царями, что тоже должно было способствовать жизненности в Армении начал, общих с Парфией. Стоявшая не на высокой ступени культуры, Парфия не могла влиять на Армению в прямом смысле слова, но союз и общение с парфами укреплял в армянах традиционные, иранские элементы. Таким образом, в Армении, которая одновременно и романизовалась и влеклась к своему иранскому соседу, оба начала, Запада и Востока, развивались параллельно.

Ориентация Армении резко изменилась, когда, после падения парфского царства (около 226 г.), на его месте возникла держава ново-персов. Сасаниды, заняв престол парфских царей, определенно порвали с традициями своих предшественников. Полные мечтами о былом величии персидской монархии, ново-персы стали стремиться к тому, чтобы восстановить в своей земле древние персидские обычаи, между прочим, и древний зороастризм, во всей первоначальной чистоте, и воздвигли гонение на все парфское. Естественно, что Сасаниды не могли не смотреть недружелюбно на Армению, где продолжала царить парфская династия, свергнутая ими в Парфии. Кроме того, ново-персы с самого начала выказали агрессивные стремления по отношению ко всем соседним землям, – как к пограничным провинциям Римской империи, так и к Армении. К этому времени культурное влияние

Рима в Армении настолько окрепло, что стал возможен теснейший союз армян с римлянами против общего врага. В течение следующего столетия во всех войнах, какие вела империя против Персии и которые, в сущности, были единой непрерывной войной (растянувшейся потом на ряд веков), армяне всегда выступали на стороне римлян как их верные союзники.

Связь Армении с Римом еще более усилилась, когда армянский царь Тиридат III Великий принял, со всем народом, крещение (295, 299 или 301 г.), и христианство стало официальной религией армян. Приняв христианство, которое глубоко проникло в душу народа, армяне окончательно связали себя с миром Запада, с христианским миром Европы. В продолжение всех следующих веков они оставались верны своей религии и не поддались проповеди ислама, который позднее властно подчинил себе большинство народов Передней Азии. Христианство вырыло непреодолимую пропасть между армянами и персами. Однако прозелитизм новообращенных и политический союз с Римом не означал для Армении полного разрыва с Востоком. Восточные начала поддерживались в Армении этого времени воздействием христианской Сирии, откуда армяне и приняли новое учение. Сирийское влияние позднее явственно отразилось на первых этапах армянской литературы и на памятниках древнейшего церковного строительства в Армении.

Как известно, римляне весьма дурно отплатили армянам за их верность. Император Иовиан, заключив с Персией позорный мир, предоставил на разгром персам Армению, и она не могла, конечно, сопротивляться державе, борьба с которой оказалась не под силу и Риму. Позднее же (конец IV и начало V в.) римская империя и персы прямо поделили между собою Армению, так что в течение двух столетий (до начала VII в.) она оставалась разрезанной на две части, византийскую и персидскую. Границы этих половин постепенно менялись, так как завоевания отдельных византийских императоров – Юстиниана, Маврикия, Ираклия и др., вырывали у персов отдельные армянские области, присоединяемые к империи. Но общее положение дел оставалось неизменным. Эти две Армении стали как бы двумя очагами, в которых разгорались и крепились основные начала армянской жизни: в византийской – западные, в персидской – восточные.

Византийские императоры сознательно стремились к романизации (по терминам того времени, т. е. эллинизации) своей части Армении: вводили в ней общеимперскую администрацию, объявляли государственным языком – греческий, способствовали распространению греческой литературы, византийского искусства и т. д.; наконец, принимали меры, вплоть до насильственных, к сближению армянской церкви (весьма рано обособившейся) с византийской. В персидской Армении, по меткому выражению историка Елисея (Егише), «царство перешло к нахарарам», т. е. владетельным князьям, которые собирали подати, выставляли в персидскую армию определенный контингент войска, но во внутренних делах распоряжались самостоятельно (что повело к утверждению феодализма). В этой части Армении развивались начала национальные, *иранские*, не говоря уже о том, что некоторое влияние на жизнь народа не могли не получить и ставшие владыками персы (ирано-сасанидские черты в армянской архитектуре).

Успехи того и другого влияния можно проследить на ряде исторических фактов. В V в. возникла и стала быстро развиваться национальная армянская литература, после изобретения свв. Сааком и Месропом армянского алфавита. Первоначально армянская литература определенно подпала под сирийское влияние и, как полагают, первый перевод книг Святого писания был сделан на армянский язык с сирийского (впоследствии – исправленный по греческому тексту). Но с VI в. в армянской литературе проявляется, в сильнейшей степени, влияние греческое. Армяне переводят на свой язык громадное количество греческих книг: сочинения по философии, богословию, риторике, истории, грамматике и по точным наукам, как математика, астрономия, медицина, география и т. под. Весь этот период в армянской литературе носит название эпохи эллинистов. Своего расцвета движение достигает в VII в.,

когда даже самый армянский язык приспособляется, в книгах, к формам греческого языка, обогащаясь новыми речениями, новыми оборотами речи, новой расстановкой слов, порой искусственной. У писателей-эллинистов заметно и желание воспринять лучшие стороны греческой литературы: пытливість мысли, аналитическое отношение к трактуемому предмету, точность и ясность изложения.

Параллельно этому, в армянском народе несомненно существовала партия, тянувшая в сторону сближения с персами. Представители ее вербовались преимущественно в высшем слое общества, особенно среди владетельных князей, которым политические отношения к Персии давали различные преимущества. Традиция (по новым исследованиям – несправедливая) обвиняет, напр., в симпатиях к персам Васака, бывшего правителем персидской Армении в эпоху восстания 451 г. и отказавшегося примкнуть к народному движению. Во время войн Юстиниана часть армян добровольно действовала на стороне персов. В армянских областях, присоединенных Юстинианом к империи, вспыхнуло восстание, имевшее целью – вернуть эти области Персии и т. д. Эти факты и предания, несмотря на ряд открытых выступлений (восстаний) против персидского гнета, как Вартана Великого (451 г.), Ваана Мамиконида (484 г.), Варта (511 г.), другого Вартана (571 г.) и др., свидетельствуют о наличии среди армян партии, которая чувствовала связь и сродство Армении с Восточным миром.

Арабское завоевание (середина VII в.) объединило все армянские области под властью халифата. Следствием этого была утрата Арменией той связи с Западом, которая поддерживалась через Византию, и четыре столетия после того армянская культура развивалась преимущественно под воздействиями восточными. Непосредственное владычество арабов в Армении продолжалось приблизительно два столетия (от 652 г. по 861 или 885 г.), но зависимость армянских земель от халифата постепенно ослабевала (что показывает уменьшение дани, которой были обложены армяне: с 13 миллионов диргем в VIII в. на 8 милл., потом 4 милл. в IX в. и менее 2 милл. в X в.). Ослабление халифата повело к тому, что армянские феодальные владения постепенно превратились в полунезависимые армянские «царства» и «княжества», из которых самое значительное было царство Багратидов (с 885 г.), со столицей в Ани. Просуществовавшее также два века (последний Багратид, Гагик II, был убит в 1079 г.), Багратидское царство развивалось в обособленности от Западного мира, от новой Европы, в которой складывалась тогда (IX–XI в.) своеобразная средневековая культура. Во всем Багратидском периоде мы не находим значительных следов воздействия Западной Европы и, напротив, видим немало черт, проникших с мусульманского Востока. Правда, связь с Византией восстановилась, но она сама к этому времени во многом поддалась восточным влияниям.

Эти две эпохи, – арабского владычества и царства Багратидов, – характеризуются решительным преобладанием в армянской жизни и в армянском искусстве восточных, азиатских начал. В архитектуре византийские формы, господство которых относится к VII–VIII вв., понемногу уступают влиянию арабского архитектурного стиля, который сначала подчинил себе светские постройки, а потом коснулся и храмов. Мусульманское влияние сказывается и в некоторых чертах армянской миниатюры. В литературе распадается школа эллинистов, и писатели начинают искать своего собственного стиля. Возможно, что в поэзию уже в эту эпоху проникают некоторые формы персидской и арабской лирики. К концу периода восточные начала начинают живо чувствоваться во всех сферах культурной жизни. Но Армению ждал новый обновляющий приток идей с Запада.

Багратидское царство и другие армянские «царства» и «княжества» на севере распались и были поглощены Византией (начало XI в.). Вскоре затем все эти области были захвачены новыми завоевателями, тюрками-сельджуками (падение Ани 1071 г.). Однако армянская самостоятельность не погибла под этими ударами. Она возродилась на юге, в Киликии,

где армянскими выходцами, во главе с князьями Рубенидами, было основано Киликийское царство, – сначала маленькое баронство, потом обширное и значительное государство. Это Киликийское царство просуществовало три столетия (приблизительно с 1080 г. по 1375 г.). В то же время на севере коренные армянские области также добились освобождения от тюркского гнета при содействии единой Грузии (начало XII в.). В области Ани стали правителями, под грузинским сюзеренитетом, князья Долгорукие (Иван и Захария и их потомки); в соседних областях – другие армянские княжеские дома. Эти полунезависимые княжества (Долгоруких именовали тогда и «царями») продержались до походов Тамерлана (XIV в.) и завоеваний турок-османов (XV в.).

В Киликийском царстве произошло сближение армян с Западной Европой. На самой заре его существования киликийские армяне вступили в сношения с крестоносцами, путь которых лежал через Киликию. Впоследствии эти сношения с Европой не прерывались, но развивались шире. Рубениды, получившие королевский титул в 1198 г. от папы и германо-римского императора, и их преемники связали себя с владетельными домами Запада длинным рядом брачных союзов. До нас дошла разнообразнейшая переписка королей Киликии с европейскими государями и папами (на латинском языке). Обширная торговля Киликии привела в нее выходцев со всех концов мира, и все большие города Европы имели в киликийских центрах свои колонии и фактории. Один документ, относящийся к царствованию Левона V (середина XIV в.), перечисляет в киликийской гавани суда из Генуи, Венеции, Нима, Монпелье, Севильи, Брюгге, Лондона, Мессины, с Майорки, с Крита... Государственный строй Киликии совпадал с формами западного феодализма. Ученые Сиса (столицы Киликии) именовали себя «докторами». Один из киликийских писателей, Нерсес Ламбронский (XII в.), жаловался, что «населенно *заимствует у франков* любовь к благам временным, так же как и много прекрасных вещей» и т. под.

Параллельно этому в областях древней Армении происходило дальнейшее объединение армянской культуры с определявшейся культурой мусульманского Востока. В позднейших строениях, обнаруженных раскопками в Ани, всего больше мотивов арабского зодчества. Остатки дворцовой обстановки и домашнего обихода свидетельствуют о развитии чисто «восточной» пышности. Хотя с Киликией северная Армения находилась в постоянных сношениях, обособленное положение все же делало ее естественным членом восточной семьи государств. Культура новой Персии и Грузии должна была в этот период гораздо живее влиять на древнюю Армению, нежели Западная Европа, влияние которой могло доходить лишь через посредство Киликии. Три столетия отдельного существования Киликийского царства и царства Долгоруких завершили процесс тысячелетий: западные и восточные элементы, в разных формах и проявлениях, были восприняты армянским народом. Исторические судьбы словно озаботились, чтобы то и другое влияние имели свои преимущественные эпохи и свои центры восприятия.

Монгольское нашествие и завоевание турок-османов положили конец самостоятельности Армении. После того три столетия (XVI, XVII и XVIII) все армянские области томились под мусульманским игом. Беспрецедентные опустошения во время походов Чингиз-хана, Ленкимура (Тамерлана) и турок-османов, истребительная политика турецких султанов и персидских шахов и кровавые войны между Турцией и Персией, ареной которых большею частью была Армения, – надолго загасили светоч армянской культурной жизни. Но 2-тысячелетняя культура, конечно, не могла погибнуть. Новыми ее носителями, положившими начало армянского возрождения, явились армянские *колонии*, богато расцветшие во всех больших центрах Европы, отчасти Америки и Азии. В колониях были основаны, между прочим, первые армянские типографии и зародилась новая армянская литература. По самому своему положению армянские колонии в Европе (в Венеции, Вене, Амстердаме, Париже и др. городах) способствовали проникновению в среду армян европейских идей. В то же время в самой

Армении силой вещей в массу поработанного армянского народа просачивались обычаи, верования и уклады жизни мусульманского мира. Таким образом, и в эти тягостные века работа тысячелетий продолжалась.

С начала XIX в. часть армянских областей перешла под скипетр России. Этим для части армян была открыта возможность для мирного развития народных сил и новой культурной жизни. Зародилась новая армянская литература и был выработан новый литературный язык, называемый *ашхарапар* – в отличие от древнего классического *грапара*. Однако и в этом возрождении сказалась вековая разъединенность армян: на Западе и на Востоке (в России) в основу нового литературного языка были положены различные наречия: константинопольское – у западных армян, араратское – у русских. Сообразно с этим новоармянская литература пользуется двумя, несколько отличающимися одно от другого, наречиями. Помимо того и самое развитие новоармянской литературы шло в двух течениях, – западном (в Европе) и восточном (в России), что повело к образованию двух основных литературных школ, получивших название: *школы турецких* и *русских армян*. В этом разделении можно видеть последний отголосок извечной борьбы в Армении двух начал, – Запада и Востока.

Влияние яфетидов и арийцев, Персии и Эллады, Парфии и Рима, Ново-Персии и Византии; арабы и царство Багратидов, Анийское княжество Долгоруких и Киликийское царство, Армения под мусульманским игом и армянские колонии в Европе; школы турецких и русских армян в новой литературе, – таковы, в схематическом изображении, те этапы, которые характеризуют взаимодействие Востока и Запада, Азии и Европы в Армении. Если исторической миссией армянского народа должно признать искания синтеза этих двух извечно противоборствующих начал, то армянская литература должна отразить в себе этапы этих исканий. И, прежде всего, отразить эту борьбу разнородных элементов и первые попытки их гармонического примирения должна лирика, как голос народной души.

2

Двуединство армянского народного характера дает ключ к армянской народной поэзии.

Существует армянская народная сказка, по-видимому, весьма древнего происхождения. Когда-то, – рассказывает сказка, – розу любила птичка *булбул* и воспевала розу лучше всех других птиц; никакая птица не могла сравниться с булбулом в искусство песни. Но пришло такое время, что прилетела другая чужеземная птица – в армянской сказке: *иадон*, и этот надои тоже полюбил розу и стал ее воспевать еще лучше, так что булбул должен был улететь, и его песни забылись. *Булбул* по-армянски значит – соловей: слово это заимствовано из персидского языка; но *иадон* тоже значит – соловей: это – искаженное греческое слово <...> (айдон, с перестановкой двух первых букв). В народной сказке, следовательно, символически изображена смена двух влияний – персидского и эллинского, восточного и западного. В народной армянской песне те же влияния сказались в сочетании восточной яркости, пестроты с западной сдержанностью, стройностью.

Определить время, когда возникли те или другие песни, большею частью невозможно. Лишь некоторые удается приурочить к известной эпохе, или потому, что они дошли до нас в памятниках известного времени (так, несколько древнейших народных песен сохранили нам Моисей Хоренский, Григорий Магистр и др.), или потому, что песня явно относится к известному историческому событию (такова песня о пленении короля Левона, новые песни о Зейтунском восстании и т. под.). Самое содержание песни и даже язык, на котором она сложена, не всегда дают точное указание на время ее возникновения, потому что новые поколения нередко приспосабливали старую песню к своим воззрениям и к своему говору (вставляли, напр., на место имен языческих богов – Имена Христа, Богоматери, Григория Просветителя, Святых и заменяли обветшалые слова и выражения более обычными в данные годы). Поэтому народную песню, – у армян, как у других народов, – приходится рассматривать как итог всей исторической жизни народа. Поколение за поколением, век за веком производили свою критическую работу: песня, менее удовлетворявшая эстетические требования, забывалась; песня, нравившаяся новому веку, как нравилась она отцам и дедам, укрепилась в народной памяти. Таким «естественным отбором» вырабатывался некий канон, создавался особый ковчег песен, где хранилось все, казавшееся народу особенно близким, дорогим и нужным. Уцелевшие на протяжении веков народные песни – не свидетельства отдельных увлечений того или другого периода, но общее выражение народного духа.

До сих пор нет всеобъемлющего собрания армянских народных песен, какое успели, напр., составить (не говоря о первенствующих народах) латыши или финны. Условия исторической жизни всячески препятствовали собиранию материала; поныне армянские фольклористы продолжают находить и записывать неизвестные еще образцы народного творчества (пишущий эти строки сам был свидетелем таких записей в Тифлисе в начале 1910 года). Но собранного как в научных изданиях (над чем в последние годы особенно много потрудился проф. К. Костаньяиц), так и в популярных «песенниках» («ергаран» и «тагаран») достаточно, чтобы дать понятие об особом, исключительном богатстве армянской народной лирики. «В каждом армянине есть поэт», – утверждает старинная поговорка, и она оправдывается сборниками армянских песен. Обладая обычными достоинствами народного творчества, – безыскусственностью, непосредственностью, меткостью эпитетов, – армянская песня поражает, кроме того, особой изысканностью словесного выражения, несвойственной, напр., песне славянской. Знакомая с армянскими песнями, норой едва веришь, что это не тонко обдуманное создания какого-нибудь позднейшего поэта, искусственного в стихотворной технике, пока не узнаешь, что все эти песни поныне поет народ на плоскогорьях под Ара-

ратом, в долинах Аракса, в горных деревнях древней Айастан и еще недавно, до последних трагических дней, пел на побережьях Вана.

В армянской народной песне нет суровости песен скандинавских, вскормленных холодным морем и свинцовым небом: в ней дышит знойность юга и роскошь Востока. Нет в армянской песне заунывности и наивности несен русских, сложенных во дни младенчества нашего народа: в ней чувствуется большая зрелость народа, с самой колыбели брошенного в среду культурнейших наций земли. Нет в армянской песне и грубости германских песен, част отталкивающих своей цинической откровенностью: она заимствовала утонченность мысли и изысканность чувствований у своих восточных соседей. В то же время армянской песне чужда преувеличенная чувственность восточных народных песен: арийская кровь и эллинская школа наложили спасительную узду на восточный разгул фантазии. При всей своей страстности армянская песня – целомудренна; при всей пламенности, – сдержанна в выражениях. Это – поэзия, по-восточному цветистая, по-западному мудрая, знающая скорбь без отчаянья, страсть без исступления, восторг, чуждый безудержности: не песня персидского гаремного владыки, но вздох влюбленного, поджидающего свою милую на свидание; не призыв Магомета – «ведите в плен молодых рабынь!» – но благословление матери сыну, идущему на правый бой; не покорный стон вдовы индуса перед погребальным костром, на котором ей предстоит обуглиться вместе с трупом, но полный христианского смирения плач жены на могиле любимого мужа. А особое изящество форм и оригинальность подхода к каждому замыслу позволяют назвать армянскую народную поэзию песнями народа-художника.

Народные песни, переведенные в этом сборнике, должны подтверждать сказанное выше, поскольку перевод может передать очарование народного творчества. Как ни накладывает властно национальность свою печать на создания поэта, все же в «искусственной» поэзии всех народов и эпох есть нечто общее, некоторая всемирная художественная культура, что позволяет пересоздавать стихи на другом языке. В народной песне – все, начиная с языка, своеобразно, единственно, неповторимо. Не довольно сохранить содержание, мысли, образы: при всей точности перевода может отлететь что-то невыразимое, составляющее основную прелесть народной песни. Все же можно обратить внимание читателей на такие вещи, как «Ноктюрн», (название, конечно, позднейшее, данное собирателями), очарование которого в той сдержанности, с какой народный певец передает пламенную роскошь южной ночи; – на любовную песню: «О, злая, с черной красотой...», в которой утонченность самого построения, особого рефрена с повторением только что сказанных слов, сделала бы честь любому мастеру стиха наших дней; – на маленькую, записанную на берегу Вана, песенку: «Ах, раствориться и стать водой...», где в семи строках целое море нежности и где поражает именно неожиданный подход к столь, казалось бы, избитому сюжету. Далее нельзя не указать на своеобразие «обрядовой» свадебной песни «Царю что дам я...», где певец оставил себе в каждом четверостишии лишь по одному стиху (остальные – повторения) и, при таком ограничении художественных средств, достигает величайшего разнообразия; – на сходное построение песни: «Вновь прилетели те птицы...»; – на песни колыбельные и похоронные; – на веснянки – «джан-гюлюмы»; и, наконец, на склад, на манеру всех других, представляющих такое разнообразие замыслов и напевов!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.